УДК 821.512.141

# «МАЛОЕ» И «БОЛЬШОЕ» ВРЕМЯ В РОМАНЕ Р. БАИМОВА «КРЕЧЕТ МЯТЕЖНЫЙ»

## Хасанов Р.Ф.

Бирский филиал ФБОУ ВПО «Башкирский государственный университет», Бирск, e-mail: academy@birsk.ru

В статье рассмотрены особенности изображения исторического прошлого башкирского народа в историко-документальном романе Р. Баимова. Отмечается, что писатель, с одной стороны, рисует картины конкретно-исторического времени – послереволюционный период (1917–1920-е годы), с другой – воссоздает многовековую историю народа со времен Золотой Орды. Рассмотрены приемы, способы создания образов «малого» и «большого» времени – портретная характеристика, поэтическая лексика, предметный мир произведения, образная символика, ретроспекция. Основное внимание уделено образу центрального персонажа – Заки Валиди, который изображен многопланово, художественно выразительно и психологически убедительно. При этом автор статьи останавливается на таких средствах характеристики героя, как внутренний монолог, диалог, портрет, несобственно-прямая речь, психологический анализ, пейзаж. Делается вывод, что роман «Кречет мятежный» – это широкое эпическое полотно, вобравшее в себя большой историко-документальный, этнографический, биографический материал.

Ключевые слова: роман, портретная характеристика, личность, хронотоп, персонаж, несобственно-прямая речь, внутренний монолог, историзм, психологизм, субъективное повествование

# «THE LITTLE» AND «THE LARGE» IN THE NOVEL «KRECHET MYATEZHNIY» BY R. BAIMOV

#### Khasanov R.F.

Birsk branch of «Bashkir State University», Birsk, e-mail: academy@birsk.ru

The article tells about the peculiarities of the historical past of Bashkir people in the historico- documentary novel, written by R. Baimov. It is noted that the writer on the one hand portrays the images of the concrete historical time – post revolutionary period (1917–1920 years), on the other hand – the author renews the centuries-old history of the people of the Golden Horde times. There are techniques, means of creation images of «the little» and «the large» time – the portrait characteristics, poetic vocabulary, the subject world of the novel, figurative symbology, retrospection. The essential attention is devoted to the image of the central character – Zaki Validi, who is described very expressively & psychologically earnestly. At the same time the author of the article dwells on such means of the hero characteristics, as the inner monologue, dialogue, portrait, free indirect speech, psychological analysis & the landscape. We can draw a conclusion that the novel «Krechet myatezhniy» – is a wide epic canvas, which incorporates big historico- documentary, ethnographical & biographical material.

Keywords: a novel, a portrait characteristic, a personality, a chronotope, a character, free indirect speech, inner monologue, historicism, psychologism, subjective narration

Хронологические рамки романа охватывают небольшой период - с декабря 1917 года по июль 1920 года. Это конкретно-историческое, так называемое «малое» время, когда решались судьбы народов России. Писатель на примере взаимоотношений Центра и окраин, судеб своих героев показывает, что национальная политика – это сложная область, требующая от заинтересованных лиц осторожности, чуткости, особой дипломатии, взаимопонимания. Как видно из романа, пришедшие к власти большевики не были готовы решить проблемы этого плана. Вокруг этого основного вопроса - судьбы национальных меньшинств, в частности башкирского народа - и строится всё повествование, определяются сюжетно-композиционные узлы, конфликты социально-политического, нравственного, личного характера.

Многоплановость, информационная насыщенность, широкие пространственные, географические рамки романа обусловлены стремлением создать картину сложной, противоречивой политической, социальнобытовой жизни того периода, показать раскладку противоборствующих сил, основных участников событий.

При рассмотрении внутренней структуры романа «Кречет мятежный» целесообразно обратиться к положениям, разработанным известными российскими учеными-литературоведами, в частности А.Я. Эсалнек. Характеризуя «романные» качества произведений русских классиков (И.С. Тургенева, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого и др.), раскрывая особенности изображения ими взаимоотношений индивида и общества, она оперирует понятиями «романная ситуация», «среда», «микро- и «макросреда» [6, 21].

В романе Р. Баимова при всей широте и многогранности повествования, эпичности художественного мышления основное внимание автора сосредоточено на судьбе, характере главного героя — Заки Валиди. Именно это и определяет целостность произведения, создает «романную ситуацию», то есть повышенный интерес к личности, её внутреннему миру, сложной судьбе и духовным исканиям. Система действующих лиц, главные и второстепенные персонажи, интерьер, обстановка, место действия (художественное пространство) образуют микро- и макросреду.

Сюжет романа, отмеченный чертами панорамности, тем не менее ограничен в пространстве местом пребывания и встреч главного героя, а во времени - тем периодом его жизни, который необходим для становления или проявления его характера, для обретения им наиболее весомой жизненной позиции. Писатель не рассказывает обо всей жизни Заки Валиди, а воспроизводит значительные вехи его жизнедеятельности, а именно - послереволюционный период, когда развернулась борьба за башкирскую автономию, в центре которой оказался герой. Здесь автор обращается к так называемому «биографическому» времени, через экскурсы в прошлое пишет о его детстве, юности, родителях, наставниках, семейной жизни. Страницы, посвященные его невесте, впоследствии ставшей его женой, -Нафисе, - пронизаны лирико-романтическими мотивами. Запоминаются картины свадьбы молодых, эпизоды пребывания Валиди на малой родине. Эти и другие биографические элементы дополняют и расширяют смысловые границы романа, являются своеобразными атрибутами изображенного в нем конкретно-исторического (малого) времени, раскрывают истоки характера героя, вносят дополнительные штрихи в его психологический портрет.

Часто мы застаем Заки Валиди в гуще народа, в поездках по формирующимся башкирским войскам, в беседах с воинами, крестьянами, рабочими, деятелями различных политических движений, партий, военачальниками. Автор пишет о заинтересованности людей его личностью, об уважительном отношении к нему. Конкретным проявлением этого является несколько эпизодов, в которых простые люди укрывают его от преследователей, устраивают побег из тюрьмы, а на Первом Курултае преподносят в дар скакуна.

С развитием сюжета круг действующих лиц (макросреда) расширяется, всё заметнее становится «густозаселенность» романа. В нем звучит более ста имен, фамилий

исторических и вымышленных лиц, так или иначе участвующих в сюжетном действии. Разумеется, не все они получают развернутую характеристику, многие лишь упоминаются, оставаясь «внесценическими». Тем не менее около двух десятков лиц вовлечены в конфликт, вступают в различные отношения, в том числе и с главным героем. Это, можно сказать, «знаковые» фигуры, своеобразные символы эпохи: политики, общественные деятели, военачальники, лидеры различных партий, групп, представители бедноты, поэты, писатели... (Ленин, Сталин, Троцкий, Керенский, Плеханов, Фрунзе, Чапаев, Блюхер, Каширин, Гай, Колчак, Дутов, Шаляпин и др.). Широко представлена творческая интеллигенция, в частности, известные литераторы: Максим Горький, Галимзян Ибрагимов, Мажит Гафури, Шейхзада Бабич, Гаяз Исхаки, Фатих Карим, Даут Юлтый, Сагит Рамиев, Мухтар Ауэзов, Риза Фахретдин, Махмут Садри, Сагит Мирас, Юнус Бикбов, Галимян Таган... В основном писатель рисует портреты реальных лиц, в жизни и судьбе которых отразились особенности изображаемой эпохи. Это еще раз подчеркивает документальность художественной основы произведения, усиливает его историзм. Заметим, что все эти портреты «увидены» центральным персонажем, который выражает свои симпатии и антипатии к изображаемым лицам. Это тот случай, когда говорят о единстве идейных установок автора и героя, когда «образ персонажа предстает как воплощение писательской концепции» [5, 192]. Поэтому в повествовательной структуре романа много места занимает несобственно-прямая речь, способствующая тесному сближению голосов автора и героя. Автор умеет создать запоминающийся портрет того или иного исторического деятеля, дополнить, а порой и изменить уже сложившееся наше представление и восприятие его личности. Например, своеобразно дана фигура комдива Чапаева. На страницах романа читатель встречается не столько с лихим героем гражданской войны на коне и с шашкой, сколько с талантливым военачальником, умело и активно использующим военную технику в сражениях, тактиком и стратегом военного дела.

Интересны портреты лидеров большевиков. Известно, что Заки Валиди несколько раз встречался с Лениным. Вот как рисует автор одну из таких встреч. Председатель Совнаркома, наслышанный о башкирском лидере, заинтересованно наблюдает за ним, как бы испытывает его на политическую зрелость. В беседе он ясно понимает, что перед ним образованный, начитанный

человек, знакомый с трудами основоположников марксизма, политически подкованный, умеющий аргументированно и деликатно отстаивать свое мнение. Писатель внешне создает обстановку доверительной беседы двух лидеров, но подтекстом дает понять, что духовной близости между ними нет. Ленин в этом и в других эпизодах показан как умный и в то же время непростой политик, тактик и стратег, готовый применять любые средства ради достижения своей цели. «С этим политиком до мозга костей надо было держаться настороже. Не всегда можно было быстро распознать изменения в его настроении за внешне дружеским, казалось бы простецким отношением к посетителю. Он с легкостью выходил из самых запутанных ситуаций и уходил от прямого ответа... Успокоительные речи Ленина – это повадка удава, изготовившегося проглотить мышь, или игра в кошки-мышки» (481), рассуждает Валиди после встреч с вождем.

О Сталине: «Если заходишь к нему с просьбой, то начинаешь чувствовать себя так, будто клянчишь что-то лично для себя. Он умел держать паузу и говорил мало. К тяжелому характеру добавлялась еще и известная всем злопамятливость наркомнаца» (386–387).

Если к Ленину, Сталину лидер башкирского национального движения проявляет настороженное отношение, видит в них идейных оппонентов, с которыми вынужден идти на сближение, то в Троцком он находит союзника, чувствует с ним духовную близость. В романе он предстает как хороший организатор, талантливый военный и оратор, не лишенный черт привлекательности. Вот его портрет глазами Валиди: «Лев Троцкий – видный мужчина, всё при нем: и рост, и гордая осанка, и густые вьющиеся черные волосы, ястребиный взгляд, синие глаза» (356–357). В другом месте портрет дополняется характеристикой некоторых качеств персонажа: «Гроза фронтов, властный и безрассудно храбрый легендарный нарком, имя которого гремело на весь мир, к удивлению Заки Валиди, показался ему одиноким человеком, жаждущим простого человеческого общения. Заки Валиди тоже порой ощущает пустоту вокруг себя» (464–465). Думается, автор не противоречит истине, говоря об их близости и взаимопонимании, проявлениях симпатии друг к другу. Действительно, судьба этих непризнанных лидеров, неординарных личностей во многом схожа в своей трагичности. Оба они, не найдя понимания, поддержки на родине, были вынуждены покинуть её навсегда.

Предметом особой заботы для автора стал образ Шейхзады Бабича. Под пером автора постепенно вырастает фигура яркого, самобытного поэта, выразившего чаяния и надежды родного народа через поэтическое слово. Он представлен как передовой человек того бурного и трагического времени, которое и определило его судьбу. Впервые с ним читатель встречается на Всебашкирском Курултае, и в дальнейшем он является участником собраний, митингов, сход; его пламенная речь звучит перед народом, воинами. Часто поэт находится рядом с Валиди и показан через его восприятие. Вот они на смотре башкирских полков. «Молодец Бабич! В нужную минуту всегда находит нужные слова. Когда поднимается на борьбу народ – у народа всегда рождается и певец. Вождь и поэт в одном лице Салават Юлаев, Карас-сэсэн, Хабрау-сэсэн... Сколько их было! А ныне великую борьбу за национальное освобождение воспевает великий мастер слова Шейхзада Бабич! Величественная поступь войск окрылила поэта. Словно сокол перед полетом, он стоит на возвышении и взволнованно читает...» (274). Так главком башкирских войск восхищенно и с гордостью наблюдает за поэтом, читающим свои стихи. Он потомок, продолжатель дел башкирских сэсэнов, словом и мечом сражавшихся с врагами народа. Его искренность, прямота, порой импульсивность, сатирическая направленность и романтическая устремленность стихов подкупают окружающих. Жизнь поэта, словно яркая комета на небосклоне, обрывается трагически. Автор детально, во всех подробностях рисует сцену жестокой расправы над Бабичем и другим молодым поэтом Абдельхаем Иркебаевым.

Дыхание времени (разгар гражданской войны) сильно ощущается и в том, что в романе мало говорится о частной жизни героев, больше рассказывается о событиях, явлениях общественного плана, показываются конфликты не личного, а социального, классового характера, рисуются батальные сцены, картины разрухи, опустошения, гибели людей. Таким, например, предстает колыбель революции в те дни перед Заки Валиди: «Город стоял словно заброшенный. Окна с выбитыми стёклами, занавешенные тряпками, заткнутые подушками. Горы мусора, перегораживающие проезжую часть улиц... А он знал Петербург – пышную столицу великой империи, резиденцию самодержавных властителей России – его величественные дворцы, храмы с золотыми куполами...

Гостиница «Астория», где раньше селились лишь знатные персоны, ныне забита

съехавшимися с разных фронтов военными. Здесь грязь и запустение, как и во всем городе. Подвыпившие солдаты веселятся, вспарывая саблями перины и подушки, пуская пух из окон. В номерах — разбитые люстры, в трещинах зеркала во всю стену, выломаны позолоченные дверные ручки. В коридорах — окурки, тяжелый запах пота, грязь...» (426). Картина символична и типична для того времени.

В связи с этим необходимо сказать еще об одном способе воспроизведения особенностей изображаемой эпохи. Речь идет о предметном, вещном мире произведения. «Очень важна культурологическая функция вещей в историческом романе – жанре, стремящемся в своих описаниях наглядно представить историческое время и местный колорит» [3, 279], – пишет Е.Р. Коточигова. Об этом также писали В.Н. Топоров [4], Е.С. Добин [2]. Как исторический романист, Р. Баимов активно прибегает к этому приему. В романе «Кречет мятежный» мы видим картины бытового уклада башкир, описания домашней утвари, предметов, орудий ведения хозяйства, одежды, интерьера и т.п.

Поэтическая лексика романа также несёт отпечаток изображаемого времени. В речи персонажей и автора встречаются немало слов, выражений, понятий, которые сейчас воспринимаются как историзмы. Вот некоторые из них: кантон, уезд, губерния, Шуро, военмор, большевик, меньшевик, Комуч (Комитет Учредительного собрания), кипчак, ВКП (б), белое движение, ВЧК, дворянское собрание, империя, царь, ротмистр, урядник, реввоенсовет, губком, булгары, СНК (Совет народных комиссаров) и т.п.

В рамках данной работы невозможно остановиться на всех деталях, приметах, символах, которые в совокупности создают сложную картину послереволюционного времени в России. Как уже отмечалось выше, это конкретно-историческое время в романе охватывает период с лета 1917 по 1920-е годы, на которые приходится наиболее активная общественно-политическая деятельность главного героя. В свою очередь, это так называемое «малое» время вписано в более широкий контекст - в «большую» историю, которая охватывает столетия, и отзвуки которой ощутимо слышны в романе. «У башкир есть своя тысячелетняя героическая история. Нам надо помнить о ней, объединить свой народ и самим распоряжаться своей судьбой» (101), - говорит Заки Валиди во время одной из встреч с идейными оппонентами – Гаязом Исхаки, Садри Максуди, Ильясом Алкиным, Ахметом Цаликовым. Так в роман входит тема прошлого, его повторяемости и влияния на последующие поколения. В таких местах диалоги и монологи персонажей как бы перерастают в прямую авторскую речь, в художественно-публицистические отступления, усиливающие критический пафос романа. Нижеследующий отрывок представляет внутреннюю речь героя, но в нем сильно слышен голос самого автора-повествователя. «С присоединением к России башкиры начали участвовать во всех боевых походах царской армии, и многие башкирские воины вошли в русскую историю. Так, уже в XVI веке башкирские войска отличились в Ливонской и Крымской войнах. Страшась башкир, цари запрещали им иметь винтовки и пушки, но воин побеждает не только оружием, но и силой духа. В 1709 году в войне России со шведами вооруженные лишь пиками да луком-стрелами башкирские и калмыцкие полки решили исход сражения тем, что, пройдя по тонкому льду Ботнического залива, внезапно вышли к стенам Стокгольма. В итоге шведы были вынуждены уступить России земли, которые сейчас занимают Эстония и Латвия. В семилетней войне 1756–1763 годов двенадцать башкирских полков в составе армии генерала Апраксина взяли Берлин... Есть ли еще какой-нибудь другой мусульманский народ, который бы пролил столько крови за Россию, причем добровольно, из чувства долга? Только на войну 1812 года башкиры за собственный счет послали двадцать восемь конных полков. Их ратные подвиги воспели не только русские и французские писатели, но и великий Вальтер Скотт. Созданный на тунгаурской земле, Первый башкирский полк, прославившийся победами над французами, в числе первых вошел в Париж и получил ключи от города. Даже в походе на Москву Минина и Пожарского участвовали башкирские войска... (273). По форме это своего рода историческая справка, составленная писателем-публицистом. В ней, можно сказать, кратко изложена вся боевая история башкирского народа. Органично в этот контекст вписывается довольно подробный рассказ об участии башкирских полков в обороне Петрограда осенью 1919 года.

Тема народа, его борьбы за свободу с внешними и внутренними врагами лейтмотивом звучит в романе, является своеобразным эпицентром, объединяющим сюжетно-композиционные узлы, придающим многоплановому повествованию целостность. Как показывает автор, судьба народа решалась не только на полях сражений, но и в словесных баталиях, на Курултаях, различных собраниях, сходах, съездах, конференциях, встречах... Всё это стало

предметом изображения в романе, обусловив его тематическое богатство и многообразие. По мысли писателя, нынешние лидеры башкирского национального движения – это духовные наследники батыров, воинов, сэсэнов прошлого. Именно ощущение кровной связи с борцами ушедших столетий дает силы герою романа в трудные минуты, вселяет уверенность в правоте своего дела. «Заки Валиди откинул назад голову и задумался. Перед его глазами возникла неподвижная, как статуя, фигура Бошман-бея, гордо восседающего на вороном - таком же черном, как та памятная петербургская ночь перед началом революции. Против безжалостных монголов, полмира растоптавших копытами своих коней, в те далёкие годы продолжал воевать тоже лишь один Бошман-бей со своим небольшим войском. Во всей мировой истории трудно найти примеры такой длительной кровопролитной борьбы, какую вели башкиры, отстаивая свои человеческие права, свое право на свободную жизнь. В войнах за свободу, которые вели Алдар, Салават, Карасакал, Батырша, Хамит и другие батыры, пали сотни тысяч башкир, но не затем, чтобы погибнуть святыми и праведной войне и познать блаженство рая, а ради того, чтобы пролитая ими кровь принесла свободу потомкам...» (65-66). В другом месте близкий друг и соратник Валиди – Гарей Карамышев, выступая на Всебашкирском армейском съезде, говорит, что мы должны быть верны заветам наших предков, батыров, «которые принесли себя в жертву ради нашей свободы» (337). По сути, в идейнохудожественную ткань романа органично вплетено повествование о многовековой борьбе башкирского народа за свои земли, за сохранение языка, культуры, своей самобытности, начиная со времен татаро-монгольского нашествия. Эта большая история народа в романе предстает во всем величии и драматизме. Можно предположить, что ни одно значительное событие в жизни башкирского народа на протяжении столетий не осталось вне авторского внимания. При этом сверхзадача писателя — показать, что малая история, творимая в начале XX века, есть закономерное продолжение большой истории народа в новых исторических условиях.

### Список литературы

- 1. Баимов Р.Н. Кречет мятежный. Уфа: Китап, 2002. 544 с. (В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием страницы).
  - 2. Добин Е.С. Искусство детали. Л., 1975.
- 3. Коточигова Е.Р. Вещь // Введение в литературоведение. М.: Высшая школа, 2004.
- 4. Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Избранное. М., 1995.
- 5. Хализев В.Е. Теория литературы. М.: Высшая школа, 2004.
- 6. Эсалнек А.Я. Основы литературоведения. Анализ романного текста. М.: Флинта: Наука, 2004.

#### References

- 1. Baimov R.N. Krechet mjatezhnyj. Ufa: Kitap, 2002. 544 p. (V dalnejshem ssylki na jeto izdanie dajutsja v tekste s ukazaniem stranicy).
  - 2. Dobin E.S. Iskusstvo detali. L., 1975.
- 3. Kotochigova E.R. Veshh // Vvedenie v literaturovedenie. M.: Vysshaja shkola, 2004.
- 4. Toporov V.N. Mif. Ritual. Simvol. Obraz. Izbrannoe. M., 1995.
  - 5. Halizev V.E. Teorija literatury. M.: Vysshaja shkola, 2004.
- 6. Jesalnek A.Ja. Osnovy literaturovedenija. Analiz romannogo teksta. M.: Flinta: Nauka, 2004.

# Рецензенты:

Петишева В.А., д.фил.н., профессор, декан факультета филологии и межкультурных коммуникаций, Бирский филиал, ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет», г. Бирск;

Карамова А.А., д.фил.н., профессор кафедры русской и зарубежной филологии, Бирский филиал, ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет», г. Бирск.

Работа поступила в редакцию 01.04.2015.